

УДК 002.2(47 + 57) + 655(47 + 57) + 94(47 + 57)

И. В. Починская**КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АНДРОНИКА НЕВЕЖИ И ИВАНА НЕВЕЖИНА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Рассматриваются проблемы изучения истории русского кириллического книгопечатания второй половины XVI – начала XVII в., связанные с деятельностью Андроника Невежи и его сына Ивана Невежина. Даны оценка разнообразным теориям и гипотезам, касающимся этого периода развития книгоиздания в русском государстве.

Ключевые слова: Россия; кириллическое книгопечатание; типография; Оружейный приказ.

История русского кириллического книгопечатания, как любого социального явления, имеет свои этапы развития, определяющиеся, с одной стороны, общими процессами трансформации социально-политической и экономической жизни России, отражающими ее региональные особенности модернизации, с другой – логикой его внутреннего развития.

Заметим, что при всем многообразии литературы, посвященной различным аспектам русского книгопечатания, нет специальных работ, обосновывающих его периодизацию. Лишь в отдельных исследованиях, касающихся других проблем истории книги, встречаются весьма беглые и краткие высказывания об этапах развития отечественного книгоиздания. Предлагаемая учеными периодизация, как правило, не выходит за пределы XVII в.

Первым на эту тему высказался П. А. Бессонов: «...до Смутного времени типография решала лишь вопрос о своем существовании, закладывая первые основы организации по большей части еще внешней и механической. Потом деятельность ея была ослаблена, и Михаилу с Филаретом принадлежало возрождение, восстановление полуразрушенного». Затем Бессонов отмечает период от Алексея Михайловича до Федора Алексеевича как время зрелой поры жизни московской типографии, характеризующейся «тревожными усилиями, – выработать условия печатания и разнообразие шрифтов, очертировать обширный объем производства, поспеть ответом на разгоревшиеся потребности народа, гоняться то за внутренним исправлением текста, то за поддержкою доверия, за созданием круга читателей, за отделкою всей внешности». И, наконец, последний период, обозначенный Бессоновым: «Собственно, только при Федоре Алексеевиче, в это безмятежное время, успела типография, так сказать, устояться. Это с ближайшими годами самая счастливая ея эпоха в древней Руси, эпоха правильной организации, во сколько возможно было по тому времени» [Бессонов, с. 44–45].

* При финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», 2009–1.1–301–072–017.

С периодизацией Бессонова практически солидарен В. Е. Румянцев. Отличие его точки зрения заключается в том, что он не выделяет отдельным этапом развития книгопечатания конец XVII в. начиная с правления Федора Алексеевича. История древнерусского книгопечатания, по мнению Румянцева, разделяется на два периода: 1) с 1553 г. (основание Московского Печатного двора) до разорения во время литовского нашествия в начале второго десятилетия XVII в.; 2) с восстановления книгопечатания при царе Михаиле Федоровиче до введения Петром I в начале XVIII в. гражданского шрифта. «Со времени введения гражданских шрифтов наступила новейшая эпоха русских печатных типографий, учрежденных в разных местах правительством и частными лицами» [Румянцев, с. 1 (ненум.)].

Уже в начале XX в. несколько строк периодизации кириллического книгопечатания посвятил А. И. Некрасов: «В первом периоде рисуется могучая фигура Ивана Федорова, во втором — Андроника Невежи; в третьем мы найдем много типографий, в Москве и в других городах (имеются в виду города, вошедшие в состав российского государства после присоединения украинских земель. — И. П.), а также и много имен; время исключительного подвижничества отдельной личности в книгопечатном деле в России в эту эпоху уже было в прошлом» [Некрасов, с. 101]. Третий период у Некрасова начинается с восстановления московской типографии в 1614 г. и продолжается до конца XVII в.

По мнению А. А. Сидорова, первый период русского книгопечатания длится с момента его возникновения до сожжения типографии в 1611 г. Второй период имеет границы 1614-й — конец 1640-х гг. Эти грани определяются исследователем, с одной стороны, «воссозданием Печатного двора, с другой — началом печатания «первых крупных «светских» изданий, появлением гравюры на меди, западной техники». Следующий этап — это конец 1640-х — 1670-е гг., «конец церковной реформы книг, введение патриархом Иоакимом новых внешних признаков проверенных изданий» [Сидоров, 1946, с. 80].

Однако представления об этапах развития книгопечатания у Сидорова в полной мере еще не сформировались: «Эти водоразделы, конечно, не могут быть установлены с полной категоричностью. Издания, например, Бурцева, образуют в 30-х годах характерную группу, предвещающую много нового. Книги конца XVII в. — и 80-х годов с их явным усиливанием иноземных элементов, и 90-х, отмеченных появлением наиболее занятных гравированных книг-альбомов, — тоже вполне обособлены» [Там же, с. 80—81].

А. С. Зернова, один из крупнейших специалистов советской поры в области изучения кириллического книгопечатания, не оставила четких формулировок в определении этапов его развития. Однако они просматриваются в ее изложении материала по истории орнаментики московских изданий XVI—XVII вв. [см.: Зернова, 1952, с. 17—26]: первый период длится с момента возникновения книгопечатания до московского пожара 1611 г., второй — с восстановления книгопечатания в 1614 г. до 1676 г., третий — с 1677 г. до середины XVIII в. [см.: Зернова, 1963]. Важно отметить, что периодизация Зерновой базируется главным образом на изменении внешнего вида книги, ее оформления.

Во второй половине XX в. рост научного интереса к расколу русской церкви и истории старообрядчества оказал влияние на периодизацию книгопечатания. Исходя из того факта, что реформа патриарха Никона началась с внесения изменений в книжные тексты, многие исследователи стали выделять в качестве рубежа в развитии книгопечатания XVII в. 1652—1653 гг. [см., например: Поздеева, 1990, с. 14—78; 1991, с. 13—15; 2001; Градобойнова, с. 315—327; Грицевская, с. 268—295; Гурьянова, с. 13—18]. Однако новейшие исследования все больше подтверждают весьма редкие и робкие высказывания, имевшие место в прошлом, о том, что никоновская реформа «была лишь одной из многочисленных попыток улучшить славянский перевод богослужебных книг» [Карабинов, с. 643]. О. С. Сапожникова убедительно показала, что принципиальные изменения в работе Печатного двора происходят в период владычества патриарха Иосифа [см.: Сапожникова]. Они определялись трансформацией официальной идеологемы государства, выразившейся в переходе от политики изоляционизма (Москва — Третий Рим) к политике православного универсализма. Новые политические задачи вызвали расширение репертуара Печатного двора, создание программы новых переводов богослужебных и богословских книг, изменение подходов к редактированию текстов, который предполагал «эволюционный переход от средневекового текстологического сопоставления к критическим изданиям нового времени», постепенную и осторожную подготовку книжной реформы. Никон попытался продолжить начатое Иосифом, но им книжная реформа, о необходимости которой говорил еще Максим Грек, была проведена не так, как этого требовала логика развития древнерусской книжности [Там же, с. 316].

Проблема всех предлагавшихся схем периодизации заключается в отсутствии четких критериев, на которых они строились. Например, весьма показательно для всех этих схем обозначение в качестве важного рубежа в развитии книгоиздательского дела сожжение типографии в 1611 г. и перерыв в ее работе до 1614 г., с которого принято начинать новый этап. Встает вопрос, что изменил этот перерыв в деятельности типографии?

Исходя из собственного анализа истории русского кириллического книгопечатания и мнений предшественников об этапах его развития, хотелось бы предложить свое видение этого процесса. Нам представляется, что в основу периодизации должны быть положены изменения системы управления и организации книгоиздания, которые, указывая на место и роль, отводимые ему властью в государственной структуре, тем самым демонстрируют складывающуюся степень влияния печатной книги на общество в эти периоды. Выделение подэтапов внутри периодов основано в первую очередь на трансформации запросов общества, ведущих к изменению репертуара типографий, подхода к тексту, его подготовке к печати, оформления книги.

Первый этап (середина XVI в. — 1619 г.). Становление книгопечатания. Длительность этого периода определяется сложностями политической жизни государства. Верхний рубеж этапа знаменуется реорганизацией системы управления книгоизданием, осуществленной патриархом Филаретом.

Второй этап (1620 г. — конец XVII в.). Верхний рубеж этапа определяется прекращением патриаршества в результате церковной политики Петра I,

что повлекло за собой существенные изменения в управлении Московской типографией и в ее финансировании.

Третий этап (XVIII в.) Адаптация официального кириллического книгопечатания к условиям активизации перехода общества от традиционного к современному.

Кроме того, восемнадцатый век в истории русского кириллического книгопечатания отмечен началом новой линии его развития, обеспечившей продолжение иосифовской программы реформирования книгоиздания. Это старообрядческое книгопечатание, имеющее свою периодизацию, на которой мы пока не будем останавливаться.

Этапы имеет свои внутренние подэтапы, на обосновании их выделения мы остановимся позднее, после завершения анализа изучения всех этапов развития кириллического книгопечатания.

Историографии начального периода книгопечатания (первые его 13 лет, деятельность анонимной типографии и типографии Ивана Федорова) посвятил значительную часть своего творчества один из крупнейших современных книговедов Е. Л. Немировский. Интерес ученого к этой теме, не ослабевающий до наших дней, был определен еще в начале его научной деятельности кандидатской диссертацией [см.: Немировский, 1964а]. В ходе ее подготовки исследователем было рассмотрено состояние вопроса не только в отечественной литературе, но и в польской [Немировский, 1962б, с. 255–266; 1962а, с. 239–263; 1963, с. 5–42; 1964б, с. 389–437]. По той же проблематике ученым было подготовлено и издано несколько указателей литературы [Немировский, 1975; 1983]. Подведением итогов исследований первых лет русского книгопечатания стала фундаментальная работа Немировского «Иван Федоров и его эпоха» [2007]. Анализ изучения последующих лет первого этапа книгопечатания не нашел должного освещения в литературе, к этому аспекту темы мы и обратились. Его рассмотрению мы планируем посвятить серию статей, публикация которых уже началась [см.: Починская, 2007, с. 122–131; 2010, с. 119–125]. Данная статья продолжает эту серию.

Послефедоровский период московского книгопечатания плохо документирован. Отсутствие источниковкой базы для реконструкции системы организации книгопроизводства заставило исследователей сосредоточить свое внимание на персонах мастеров-печатников, упомянутых в выходных данных книг, и на анализе изданий, в том числе их послесловий.

После отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы работу по книгоизданию продолжили Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев, выпустив Псалтырь в 1568 г. Эти имена упомянуты только в одной книге, и документов, фиксирующих какую бы то ни было информацию о них, не обнаружено.

Украинский исследователь О. Губко попытался обосновать украинское происхождение первого из мастеров исходя из того, что имя Тарас малороссийское [см.: Губко, с. 20]. Второго мастера историография XIX в. стали отождествлять с печатником Андроником Тимофеевым Невежей, имя которого впервые появилось в Псалтыри 1577 г. Первым об этом заявил И. М. Снегирев, введший Псалтырь 1568 г. в научный оборот. Свое мнение он дополнил высказыванием

о том, что Андроник был братом Петра Мстиславца [см.: Снегирев, с. 59–60]. В дальнейшем мысль об этих родственных связях не получила поддержки, а вот признание тождества между Невежей Тимофеевым и Андроником стало доминирующим [см., например: Каратаев, с. 220; Румянцев, с. 51; Гатцук, с. 343; Леонид (Кавелин) 1883, с. 15; Зернова, 1947, с. 45; Сидоров, 1951, с. 126], но четкого обоснования этой позиции никто из исследователей не сформулировал. В первой половине XIX в. И. П. Сахаровым было высказано другое предположение: Невежа Тимофеев — отец Андроника Невежи [см.: Сахаров, с. 414]. Уже в XX в. это мнение поддержал М. Н. Тихомиров [Тихомиров, 1962, с. 97–98]. Сомнения в том, что обе послефедоровские Псалтыри напечатаны одним и тем же человеком, высказывал Ю. А. Лабынцев [см.: Лабынцев, 1993, с. 11]. Эту точку зрения разделял Е. Л. Немировский, дополняя ее гипотезой, что печатные мастера, «может быть, даже родные братья» [Немировский, 1997, с. 27]. Кроме того, исследователь, не объясняя своих выводов, заявил, что «по некоторым косвенным сведениям можно предположить, что происходил он [Андроник Невежа] из Новгорода» [Там же, с. 38]. Но в более поздней работе Немировский отказался от своих прежних взглядов, указав, что Невежа Тимофеев, возможно, идентичен Андронику Невеже и вовсе не упоминает о новгородском происхождении печатника [см.: Немировский, 2007, с. 539–540].

Сочинение об истории книгопечатания в Московском государстве «Сказание известно...», написанное в 40-х гг. XVII в., две редакции которого были опубликованы в 1836 г. П. И. Строевым [Строев, с. 438–447], называет Андроника Невежу учеником Ивана Федорова. Опираясь на это заявление источника, ряд исследователей придерживались такой точки зрения, находя тому подтверждения в тождестве шрифта невеженских изданий с федоровским шрифтом, а также в аналогиях декора книг печатников [см., например: Булгаков, с. 238–239; Божерянов, с. 12; Покровский, с. 16; Зернова, 1952, с. 14, 22; Немировский, 1985, с. 245; 1997, с. 38]. Однако в послесловии Псалтыри 1568 г. нет упоминаний о предшествующем книгопечатании, текст колофона создает впечатление, что типография, выпустившая книгу, является первой, а Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев — первопечатники. Пытаясь объяснить эту особенность послесловия Псалтыри, архимандрит Леонид (Кавелин) предположил, что в период становления книгопечатания в Москве там сложилось несколько групп печатников, получивших знания основ типографского искусства у некоего иноземного учителя. Одну из групп составляли Иван Федоров и Петр Мстиславец, другую — Андроник Невежа, он же Невежа Тимофеев, и Никифор Тарасиев. Эти группы находились в состоянии соперничества. Отсутствие в послесловии к Псалтыри 1568 г. упоминания о предшественниках, по мысли исследователя, свидетельствует именно об этом [Леонид (Кавелин), 1883, с. 15, 29–30].

Два штриха к биографии Андроника Невежи попытался добавить А. А. Сидоров. Анализируя орнаментику ранних московских изданий, он пришел к выводу, что Андроник начал свою деятельность в анонимной типографии [см.: Сидоров, 1946, с. 63]. Его причастность к работе этой типографии ученым аргументирует следующим: «...в третьем анонимном Евангелии (широкоширифт-

ном. — *И. П.*) есть пример печатания инициала с не вынутым в гравюре черным фоном, в вышедшей из той же типографии *Псалтыри* встречается тот же инициал уже в доделанном виде, с вырезанным фоном, ставший линейным. Именно такие же приемы встречаются в книгах Невежи. В его изданиях встречается заставка, которая известна в нескольких «состояниях». Вначале она как бы не доделана, снабжена черным фоном, в дальнейшем она «дорезывается», превращается в линейную. Таких случаев история оформления русской книги не знает, кроме как в указанных изданиях анонимной типографии и в книгах, выпущенных Андроником Невежей» [Там же, с. 70].

Мысль о связи Невежи с анонимной типографией Сидоров повторил в своей следующей монографии («Древнерусская книжная гравюра»), но там она сформулирована в более осторожной форме [см.: Сидоров, 1951, с. 132—133]. Позднее мнение Сидорова поддержал Немировский, дополнив его доводы своим наблюдением о широком использовании в изданиях Андроника Невежи слепого тиснения, характерного для книг анонимной типографии. Однако этот вывод исследователя противоречит контексту, в котором он упоминает об изданиях печатника. Немировский говорит о том, что наличие слепого тиснения свойственно не только изданиям анонимной типографии, но и книгам Ивана Федорова, оно особенно активно использовалось в московском Апостоле мастера. С учетом вышеупомянутого признания ученым Андроника Невежи учеником Ивана Федорова его аргумент, якобы подкрепляющий гипотезу Сидорова, выглядит крайне неубедительно. Доводы Немировского позволяют говорить о слепом тиснении как об общей особенности раннего московского книгопечатания, но не об участии Андроника в работе анонимной типографии.

В ходе анализа оформления невеженских изданий Сидоров, вслед за А. И. Некрасовым [Некрасов, с. 97] обратил внимание на стилистическую связь изображения царя Давида на гравюре в *Псалтыри* 1568 г. с книжными миниатюрами XVI в. и подчеркнул особое его сходство с изображением Мамая в Лицевом летописном своде. Сидоров предположил, что гравюра была выполнена по рисунку одного из миниатюристов царской мастерской, а гравером, только начинающим деятельность в этом качестве, был сам Невежа. Возможно, Андроник тоже являлся работником книгописной мастерской, которая занималась иллюстрированием Никоновского летописного свода [см.: Сидоров 1951, с. 129, 131—132].

С Андроником Невежей связан значительный период раннего русского книгопечатания. Его деятельность на поприще книгоиздания носила прерывистый характер, что, несомненно, объясняется сложностями внутриполитической жизни страны этого периода.

После выхода в свет *Псалтыри* 1568 г. книгоиздание в Москве было прекращено. Возобновление печатного производства книг произошло во второй половине 1570-х гг. в «новом граде слободе», где была устроена типография, печатным мастером которой являлся Андроник Невежа. По одной из гипотез московская типография, выпустившая издание 1568 г., сгорела во время пожара 1571 г. [см., например: Соловьев, с. 13; Тихомиров, 1940, с. 94; Тихомиров, 1959, с. 40]. Однако эта точка зрения разделялась не всеми учеными.

А. А. Покровский справедливо заметил, что деятельность типографии прекратилась за три года до пожара. Следовательно, «...не один только московский пожар 1571 г. задержал деятельность Печатного двора, были и какие-то другие причины, нам теперь неведомые» [Покровский, с. 18].

А. С. Зернова, характеризуя данный период московского книгопечатания, ничего не говорит об уничтожении московской типографии огнем, но считает, что типография в слободе была временно вывезенной из Москвы [Зернова 1952, с. 15]. Со стана слободской печатни сошли две известные на сегодняшний день книги: *Псалтырь* 1577 г. и *Часовник* ок. 1577–1582 гг. К середине XX в., когда писалась работа Зерновой, библиографией была зафиксирована только *Псалтырь*, поэтому исследовательница характеризует одно это издание. «Орнамент ее тесно связан с московским и по стилю и по общности досок, и мастера, ее печатавшие московские» [Там же]. Более того, Зернова определила, что клише инициалов *Псалтыри* 1568 г. были использованы Андроником Невежей в издании 1602 г. [см.: Там же, с. 14–15], значит, они не сгорели.

В 1967 г. Т. Н. Каменева ввела в научный оборот упомянутый выше слободской *Часовник* [см.: Каменева, с. 133–144]. В статье, посвященной его атрибутированию, исследовательница приводит дополнительные факты, усиливающие сомнение в гибели московской типографии. Кроме инициалов, отмеченных Зерновой, она установила еще ряд элементов декора *Псалтыри* 1568 г., употреблявшихся Невежей в более поздних изданиях. Так, в *Триоди постной* 1589 г. для оформления одной из страниц Невежа использовал заставку малого формата, увеличив ее до размеров полосы набора, с помощью дополнительных украшений справа и слева. Они были выполнены разрезанной на две части доской инициала «Н», отпечатанного в *Псалтыри* 1568 г. Одно из клише заставок *Псалтыри* [см.: Зернова, 1952, (№ 96)] использовано мастером в Минею общей 1600 г. В анализируемом Каменевой *Часовнике* (л. 101) был обнаружен оттиск ломбарда (В), имеющийся и в *Псалтыри* 1568 г. (л. 186). Это клише также было употреблено позднее в *Триоди цветной* 1591 г. [см.: Каменева, с. 137, 140]. Наконец, об особенностях шрифтов Невежи писали многое исследователи, отмечая тождественность их во всех изданиях и указывая, что в их основе лежит гарнитура Ивана Федорова [см., например: Румянцев, с. 51–52; Некрасов, с. 97–98; Зернова, 1947, с. 44, 93–94; Зернова, 1952, с. 22; Каменева, с. 140–141]. При этом заметим, что Тихомиров и Лабынцев считают, что федоровские издания напечатаны другими шрифтами [см.: Тихомиров, 1959, с. 39; Лабынцев, 1993, с. 11]. Таким образом, нет оснований считать пожар причиной прерывания книгопечатания в Москве. Несмотря на это, Л. И. Сазонова в статье «*Словаря книжников*», посвященной Андронику Невеже, со ссылкой на А. Н. Соловьеву повторяет мысль о гибели типографии во время пожара 1571 г. [см.: Сазонова, с. 40–42].

Уже в XIX в. развернулась дискуссия о местонахождении слободы, указанной в послесловии *Псалтыри* 1577 г. В 1813 г. В. С. Сопиков, впервые введший это издание в научный оборот [Сопиков, 1813, с. 185 (№ 932)], в 1-м томе своего «*Опыта российской библиографии*» привел цитату из записок о путешествии в Москву 1581 г. папского легата Антонио Поссевино, который прямо

указывает на Александрову слободу (ныне город Александров) как место расположения типографии при Иване Грозном. Правда, ученый выразил недоумение, о какой типографии идет речь, поскольку на тот момент считал Псалтырь 1577 г. московским изданием [см.: Там же, с. LV–LVI]. Но в 5-м томе работы Сопиков уже поправляет себя, отмечая, что оно «было ошибкою показано в Москве» [Сопиков, 1821, с. 187]. Однако при этом не дает уточнений о местоположении типографии, напечатавшей Псалтырь.

В 1825 г. П. И. Кеппен, связав информацию Поссеино с указанием в выходных данных Псалтыри, высказал мнение о том, что «новый град слобода» и есть Александрова слобода [см.: Кеппен, с. 294]. Его точку зрения принял митрополит Евгений (Болховитинов) и включил в издание своего «Словаря исторического» [Евгений (Болховитинов), с. 267]. Разделил это мнение, хотя и с некоторой осторожностью, И. П. Карапаев [Карапаев, с. 13 (№ 72)], поддержал В. Е. Румянцев [Румянцев, с. 51]. Однако И. М. Снегирев, В. М. Ундельский, А. С. Родосский считали слободу, названную в издании, московской. В частности, Снегирев, с которым, видимо, был солидарен Ундельский, поскольку в своем «Очерке славяно-русской библиографии» цитирует его [см.: Ундельский, с. 14], указывал, что слобода находилась на Воздвиженке, между Арбатом и Никитской улицей [Снегирев, 1835, с. 168–174]. Родосский полагал, что «новый град слобода» — это резиденция Ивана Грозного в Москве [Родосский, с. 33].

В конце XIX в. архимандрит Леонид (Кавелин), разделявший точку зрения Кеппена, основательнее аргументировал ее, указав, что речь идет о населенном пункте, называвшемся в документах «новое село Александровское». Оно возникло на рубеже XV–XVI вв. в пяти километрах от старой Александровой слободы и в 96 километрах от Москвы на пути следования из столицы в Троице-Сергиеву лавру. Как известно, именно эта Александрова слобода стала местом расположения опричного двора Ивана IV. Сюда был переведен государственный аппарат, привезены, как полагают исследователи, книжники, художники, здесь же была устроена типография [см.: Тихомиров, 1962, с. 170]. Важным аргументом в пользу пребывания там типографии, по мнению Кавелина, является существование в Александрове в прежние времена района, называвшегося Печатной слободкой [Леонид (Кавелин), 1891, с. 12].

Советская историография поддерживала и развивала аргументацию архим. Леонида [см., например: Сидоров 1951, с. 134; Зернова, 1952а, с. 15; Демин, с. 65]. Особенно интересным представляется замечание М. Н. Тихомирова, сделанное в ходе анализа памятника XVI в. «Повести о свершении большия церкви Никитского монастыря» в Переяславле Залесском. Там он обнаружил наименование Александровой слободы «новой Александровской слободой», что ученый счел основанием для следующего вывода: «Этим указанием как будто разрешается спорный вопрос, вызвавший различные высказывания по поводу того, что надо понимать под «новым градом слободою», где Андроник Невежа печатал Псалтырь 1577 г.» [Тихомиров 1958, с. 255]. Позднее Тихомиров обнаружил наименование Александровой слободы новой слободой в документах 1534 г. [Тихомиров, 1962, с. 170]. Таким образом, отождествление «нового

града слободы» с Александровой слободой стало общепринятой точкой зрения. Однако это не помешало появлению на рубеже ХХ–XXI вв. еще одной, весьма любопытной, гипотезы о местонахождении «нового града слободы», предложенной казанским краеведом Е. И. Григорьевым [2002а, с. 443–452; 2001, с. 13–21; 2002б, с. 147–162; 2002в, с. 3–7; 2002г, с. 46–47]. Отправной точкой его рассуждений стала информация Андроника Невежи в послесловии к Псалтыри 1577 г. о том, что типография, в которой напечатана книга, «...повелением... государя царя и великого князя Ивана Василиевича составися... тезоименитом (выделено нами — И. П.) в новом граде слободе».

К сожалению, исследователи, пытавшиеся определить местонахождение типографии, выпустившей это издание, никак не объясняли определение «тезоименитый», к тому же в послесловии к Псалтыри речь шла не просто о новой слободе, а о «новом граде слободе». Все это дало повод Григорьеву предложить свою трактовку выходных сведений Псалтыри. Он справедливо заметил, что «тезоименитый» означает однозначный. Следствием этого стали поиски некоего Ивангорода, основанного Иваном Грозным. Таковым оказался Ивангород на р. Свияге, за которым в дальнейшем закрепилось название Свияжск. Кроме того, подтверждением издания Псалтыри не в Александровой слободе является, по мнению Григорьева, отсутствие в выходных данных имени митрополита Московского. «Александровская слобода по церковной иерархии в духовных делах подчинялась непосредственно Московскому митрополиту, и если бы Псалтирь была отпечатана на территории Московской епархии, то, несомненно, имя Антония было бы названо. Отсутствие его имени свидетельствует, на мой взгляд, о том, что Псалтирь печаталась не в Московской епархии» [Григорьев, 2001, с. 444]. Нелепость этого вывода очевидна. В выходных данных книг указывались имена не архиереев, а митрополита Всех Руси. Отсутствие имени митрополита в Псалтыри может объясняться только частой сменой глав русской церкви ввиду их опалы при Иване Грозном.

Вслед за этим в статье приводится ряд фактов, якобы подтверждающих работу печатного стана в Свияжске. На наш взгляд, эти факты столь же несостоятельны, как приведенный выше аргумент. Подробный их анализ нами уже публиковался [см.: Починская, 2010, с. 119–125].

Расшифровка же загадочной фразы Андроника Невежи может быть достаточно простой. Государева резиденция в Александровой слободе и прилегающая к ней территория в период опричнины были существенно перестроены. Известный исследователь архитектуры Александровой слободы В. В. Кавельмахер пишет: «Старое хоромное строение заменилось свежерубленым, менялся кровельный тес, все “избяное освежалось”, и даже якобы заново “ставился город”, т. е. крепость вокруг Государева двора. <...> Перевод государственного аппарата и опричного войска в Слободу, конечно, сопровождался массовым деревянным строительством — приказов, казарм, хозяйственных построек и хором» [Кавельмахер]. Вероятно, вследствие этого у Невежи появляется определение «новый град», т. е. вновь отстроенный. Поскольку перестройкой занимался царь Иван, с конца 1564 до конца 1581 г. большую часть времени

проводивший в слободе, в обиходе его двор мог называться Ивановым, что и зафиксировал в своей книге печатник.

В конце 1580-х гг. было возобновлено книгопечатание в Москве, что принято связывать с учреждением патриаршества на Руси. Первым печатником возрожденной московской типографии, на плечи которого, видимо, и легли заботы по ее восстановлению, был Андроник Невежа, проработавший там до 1602 г. (как полагают, до своей смерти).

Наиболее подробно историография деятельности Андроника Невежи рассматривает вопросы художественного оформления его изданий, отводя особое место вкладу в развитие русской книжной гравюры. Одну из своих гравюр и клише заставки Андроник подписал, что дало исследователям бесспорный материал для оценки его творчества. Первые опыты анализа гравюр Андроника Невежи принадлежат Д. А. Ровинскому [1870, с. 105; 1895, с. 23–24] и В. В. Стасову [1894, с. 171–172]. Они оценивают работу Невежи как весьма посредственную, испытывавшую немецкое влияние, а Стасов добавляет, что на формирование художественных приемов гравюр Невежи якобы оказали некоторое влияние и польские мастера. Позднее А. И. Некрасов, развивая это наблюдение Стасова, сделал вывод о прямом заимствовании Невежей элементов изображения гравюры краковской Псалтыри 1540 г. при изготовлении миниатюры к своей Псалтыри 1568 г. Это заимствование касалось в первую очередь архитектурных форм, обрамляющих Давида, а сама фигура царя «представляет точное соответствие фигурам московской миниатюры царской школы того времени» [Некрасов, с. 97].

Говоря об оценке декора книг Андроника Невежи Некрасовым, следует заметить, что исследователь не принадлежал к сторонникам мнения, считающего печатника автором всех клише орнаментики. Для него несомненным являлось изготовление Андроником гравюры к Апостолу 1597, поскольку она подписана мастером, а также он допускал, «что и некоторые из орнаментов резаны им же». При этом в гравюре апостола Луки Некрасову виделась рука незрелого мастера, поскольку имя и отчество автора гравюры вырезаны не в зеркальном отражении, что, по мнению ученого, есть результат неопытности [Некрасов, с. 98–99].

Совершенно иначе оценивал художественное творчество Андроника Невежи А. А. Сидоров [см.: Сидоров, 1951, с. 126–144]. Он подверг критике взгляды своих предшественников [см.: Там же, с. 126]. Анализируя в первую очередь фронтисписы книг Андроника, ученый пришел к выводу, что «Невежа представляется нам гравером на дереве, учившимся у Ивана Федорова, имевшим возможное отношение к анонимной типографии; в 1568 г. он выполняет своего первого “Давида” по чужому рисунку (если он только не был сам миниатюристом), в 1577 г. он пробует свои силы как гравер и как рисовальщик; своего зенита он достигает в Апостоле 1597 г.» [Там же, с. 142]. Подводя итог исследованию декора изданий Андроника Невежи, Сидоров считает, что он «...создает если не лучший, то “средний” тип всей нашей позднейшей книги, вплоть до последней четверти XVII в. не Иван Федоров, именно Андроник Невежа был создателем основного образца для русской художественно оформленной книги

всего того времени». И оговаривается, что это не касается заставок. «В этой области Невежа целиком шел по стопам своего учителя и предшественника, Ивана Федорова. <...> Именно Невежа определил характер русской иллюстрации XVII в. Конечно, Иван Федоров был талантливее Невежи. Но на стороне последнего оказался очень важный плюс, который в книжном искусстве, в первую очередь для гравюры в книге, всегда играет большую роль: тект. Андроник Невежи показал, как можно (или даже как надо) находить нечто среднее, сливающееся в целое правдоподобие и декоративность в применении к мастерству печати. ...По поводу спокойного компромисса, достигнутого Андроником Невежей, надо было бы произнести еще одно слово, которое исторически неизбежно: академизм... Стиль Невежи — благополучный, умный, расчетливый, полезный, даже необходимый, но ему присущ внутренний холодок. Не надо удивляться, что в XVII в. за Андроником Невежей пошли многие граверы и рисовальщики правительственного Печатного двора. <...> Он является мастером, завершившим определенный этап в развитии нашей художественной культуры» [Сидоров, 1951, с. 136, 143–144].

В заставках Андроника Невежи Сидоров видел продолжение традиции Ивана Федорова, отмечая при этом, что в них «дает о себе знать определенная индивидуальность мастера, которым был, конечно, Андроник Невежа» [Там же, с. 132]

На анализе декора книг Невежи останавливается и А. С. Зернова в своей работе «Орнаментика книг кирилловской печати» [Зернова, 1952, с. 15–16], акцентируя внимание на заставках и инициалах. Она не оспаривает мнения Сидорова о влиянии книжной орнаментики Ивана Федорова на орнаментику Невежи. Однако исследовательница выделяет в творчестве Невежи несколько периодов, в которые влияние Ивана Федорова на него проявлялось в разной степени. В первых двух изданиях (Псалтыри 1568 и 1577 гг.) она была существенна. Отдельным периодом Зернова отмечает работу над Триодью постной 1589 г., заставки которой «наиболее значительны и оригинальны», среди них только одна копирует федоровскую. Следующий этап (1590-е) менее интересен, здесь только три заставки отличаются самостоятельностью, а остальные повторяют орнаментику предшественника Невежи. Последний этап творчества Невежи приходится на книги, выпущенные в 1600–1602 гг. В большинстве заставок этого периода Зернова усматривает работу другого мастера, которым, вероятно, был сын Андроника Иван. Эти заставки, на ее взгляд, характеризуются однообразным рисунком «с мелким лиственным узором, довольно сложным, но мало значительным и невыразительным» [Там же].

В 1598 г. к книгопечатанию подключился сын Андроника Иван Невежин, продолживший дело отца после его смерти, выпустив самостоятельно семь изданий, больше всех современных ему русских печатников. Об Иване Невежине, так же как и об Андронике, исследователям не удалось обнаружить никаких сведений. Только Е. Л. Немировский, со свойственной ему фантазией, порожденной способностью вживаться в рассматриваемую историческую ситуацию, предположил, что Иван либо погиб «в борьбе с захватчиками» в 1611 г. в Москве [Немировский, 1985, с. 246], либо в это же время вывез свою типографскую «избу» в Казань, где, «видимо, вскоре умер» [Немировский, 1997, с. 90].

Ивану Невежину в научной литературе уделено крайне мало внимания. Редкие и довольно краткие высказывания ученых касаются главным образом декора его книг. Так, А. А. Сидоров отмечал: «...издания Ивана Невежи наиболее схожи с прошлыми, за исключением, пожалуй, заставок, узор которых становится измельченным и дробным» [Сидоров, 1946, с. 84]. Позднее это свое высказывание он дополнил еще несколькими предложениями: «...его заставки гораздо более дробны и мелочны, более цветисты и орнаментальны, чем заставки его отца и, тем более, — Ивана Федорова. Новых фигурных гравюр Иван Невежин не создал. <...> Иван Невежин в своей практике ясно выявляет одну из возможностей нового развития русской книжной гравюры: стать декорацией, уйти в украшение» [Сидоров, 1951, с. 145]. Ограничившись этими словами, Сидоров отсылает читателя к готовившейся на тот момент к публикации работе А. С. Зерновой «Орнаментика книг кирилловской печати», в которой исследовательница указывает, что поданных Иваном клише декора книг не установлено. В связи с этим Зернова полагает, «что нет никакой уверенности в том, что он сам умел гравировать. <...> Помимо Ивана Невежи в типографии мог работать и другой мастер-резчик» [Зернова, 1952, с. 16]. Орнаментику книг, напечатанных Иваном Невежиным, исследовательница считает в значительной степени подражательной, обнаруживая в ней сходство с заставками Франциска Скорины, Ивана Федорова, Петра Мстиславца, Анисима Радищевского [см.: Там же].

Только Ю. А. Лабынцев в статье «Иван Андроников Невежин» для «Словаря книжников» попытался обозначить вклад печатника в книгоиздание начала XVII в. как достаточно масштабный, исходя из своих представлений о роли мастера-печатника той эпохи. Однако заметим: поскольку время не сохранило ни одного документа, характеризующего функции мастера, то можно говорить лишь о вероятности выполнения Иваном Невежиным некоторых видов работ из тех, что перечислены Лабынцевым. Исследователь пишет: «Положение руководителя обязывало И. А. заботиться не только об административной стороне книгоиздательского процесса, но и о технической: принимать деятельное участие в самой подготовке текста к изданию, заниматься редакционно-эдиторскими вопросами, созданием прообраза (макета) будущей книги, изготовлением шрифтов, заставок, концовок и других орнаментальных материалов. Можно с достаточной определенностью утверждать, что он являлся автором или одним из авторов послесловий и предисловий к своим изданиям... <...> ...Не исключена возможность, что он принимал участие в составлении и редактировании годового круга служебных миней, из которых им были напечатаны только книги первой четверти года и частично минея на декабрь» [Лабынцев, 1984, с. 7—8].

Таким образом, подводя итог обзору мнений о деятельности продолжателей русского книгопечатания после отъезда на Запад Ивана Федорова и Петра Мстиславца, можно сказать, что единственным прямым источником исследований являются издания. Источник важный, многоплановый, но явно недостаточный для реконструкции истории книгоиздательства конца XVI — начала XVII в. Именно это обстоятельство породило множество противоречивых оценок событий и явлений начального этапа книгоиздания. Некоторые гипотезы,

как, например, идентичность Невежи Тимофеева и Андроника Невежи, приобрели характер факта, о недоказанности которого задумываются немногие. Остается надеяться на чудо обнаружения иных источников, помимо книг, способных пролить свет на столь важный период развития традиционной русской книжности.

-
- Бессонов П. А.* Типографская библиотека в Москве : ист. очерк. М., 1859. 66 с.
- Божерянов И. Н.* Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПб., 1895. 61 с.
- Булгаков Ф. И.* Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. 1 : С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно. СПб., 1885. 364 с.
- Гатицук А. А.* Очертания истории книгопечатного дела в России // Рус. вестн. 1872. Т. 99, № 45. С. 310–343.
- Градобойнова Е. В.* Часовник как книга для обучения вере и грамоте (по материалам московских печатных изданий первой половины XVII века) // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 315–327.
- Григорьев Е. И.* Ивангород на реке Свияге как книжный центр Древней Руси середины – второй половины XVI века: (библиотеки, скриптории, типография, школа) // Усадебные библиотеки – история и современность : (Русская усадьба XVIII – начала XX в. Проблемы изучения, реставрации и музеификации) : материалы науч. конф. / Департамент культуры и туризма администрации Ярославской области ; Гос. лит.-мемор. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» ; Яросл. обл. универс. науч. б-ка им. Н. А. Некрасова. Ярославль, 2002а. С. 3–7.
- Григорьев Е. И.* О некоторых спорных вопросах русского книгопечатания // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 5. С. 443–452.
- Григорьев Е. И.* Роль и значение свияжского и казанского кириллического книгопечатания середины XVI – начала XVII в. в духовной и материальной культуре Казанского и Московского царств [Электронный ресурс] // Православный собеседник. 2002б. № 2. С. 147–162. URL: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articleeight/> (дата обращения – 3.07.2011).
- Григорьев Е. И.* Свияжская типография Андроника Тимофеева Невежи второй половины XVI века (к вопросу о времени начала работы и перевода в Москву) [Электронный ресурс] // Литературные чтения в усадьбе Боратынских, посвященные литературе, истории и культуре провинциальной России конца XVIII – начала XX в., 19–20 марта 2002 г. [М., 2002в.] С. 13–21. URL: http://www.tatar.museum.ru/Boratynsk/musproj_1_teze.ntm#10 (дата обращения: 3.07.2011).
- Григорьев Е. И.* Училища, типографии и скриптории Казанского края XVI века как первые в России образовательные комплексы // Структурно-функциональные и методические аспекты деятельности университетских комплексов: материалы всерос. науч.-метод. конф., 28–30 мая 2002 г. Казань, 2002г. С. 46–47.
- Грицевская И. М.* Патристика в репертуаре Московского печатного двора дореформенного периода // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 268–295;
- Губко О.* До початків українського друкарства // Архіви України. 1969. № 3. С. 17–25.
- Гурьянова Н. С.* Об издательской политике Печатного двора в первой половине XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Культура, наука, образование (Новосибирск). 2006. № 3. С. 13–18.
- Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. СПб., 1827. Ч. 1. 345 с.
- Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. 102 с.
- Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. 28 с.

- Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта, 1677–1750 : (атлас). М., 1963. 362 с.
- Кавельмакер В. В.* Государев двор в Александровой слободе (опыт реконструкции) [Электронный ресурс] // Кавельмакер В. В. Древности Александровой слободы : сб. тр. URL: http://www.kawelmacher.ru/science_kawelmakher313.htm (дата обращения: 3.07.2011).
- Каменева Т. Н.* Неизвестное издание московской печати XVI века // Книга: Исследования и материалы. 1967. Сб. 14. С. 133–144.
- Карабинов И. А.* К истории исправления Постной Триоди при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1911. № 5/6. С. 627–643.
- Карамаев И. П.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1861. 52 с.
- Кеппен П. И.* Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам // Библиографические листы / изд. П. И. Кеппеном. СПб., 1825. № 21. С. 293–300.
- Лабынцев Ю. А.* Иван Андроников Невежин // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2 : И – О. С. 7–8.
- Лабынцев Ю. А.* Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева // Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта. М., 1984. Вып. 19. 20 с.
- Леонид (Кавелин).* Евангелие, напечатанное в Москве, 1564–1568. СПб., 1883. С. 13–31.
- Леонид (Кавелин).* Историческое и археологическое первоклассного Успенского женского монастыря в г. Александрове Владимирской губернии. М., 1891. 156 с.
- Некрасов А. И.* Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. Ч. 1 : От начала письменности до 1800 года. М., 1925. С. 63–100.
- Немировский Е. Л.* Источниковедение и историография русского первопечатания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964а. 23 с.
- Немировский Е. Л.* Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания // Книга : исследования и материалы. 1962б. Сб. 6. С. 255–266.
- Немировский Е. Л.* Историографические заметки о начале книгопечатания на Руси // Книга : исследования и материалы. 1962а. Сб. 7. С. 239–263.
- Немировский Е. Л.* Очерки историографии русского первопечатания // Там же. 1963. Сб. 8. С. 5–42;
- Немировский Е. Л.* Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX–XX в. // Там же. 1964б. Сб. 9. С. 389–437.
- Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова : указ. лит. 1574–1974. М., 1975. 282 с.
- Немировский Е. Л.* Первопечатник Иван Федоров. Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности. Львов, 1983. 121 с.
- Немировский Е. Л.* Иван Федоров. Около 1510–1583. М., 1985. 317 с.
- Немировский Е. Л.* Анисим Михайлов Радищевский. Около 1560 – около 1631 г. М., 1997. 150 с.
- Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха : энциклопедия. М., 2007. 911 с.
- Поздеева И. В.* Московское книгопечатание первой половины XVII века // Вопр. истории. 1990. № 10. С. 14–78.
- Поздеева И. В.* Историческое бытование изданий Московского печатного двора первой половины XVII века // Solanus (London). 1991. N. S. Vol. 5. P. 13–15.
- Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1618–1652 гг. : От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона : исслед. и публикации. М., 2001. 543 с.
- Покровский А. А.* Печатный Московский двор в первой половине XVII века // Древности : тр. Императ. Моск. археол. о-ва. 1914. Т. 23, вып. 2. С. 12–79.
- Починская И. В.* Размышления по поводу гипотезы о существовании в XVI в. типографии в Казани // Федоровские чтения, 2007. М., 2007. С. 122–131.

- Починская И. В.* Казанские земли — колыбель русского книгопечатания?! // Вестн. УрО РАН. 2010. № 4. С. 119–125.
- Ровинский Д. А.* Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств. М., 1870. 790 стб.
- Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. 806 стб.
- Родосский А. С.* Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке Сакнт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1. 227 с.
- Румянцев В. Е.* Сборник памятников, относящихся до истории книгопечатания в России. Вып. 1. М., 1872. 76 с.
- Сазонова Л. И.* Андроник Тимофеев // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 : (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1 : А — К. С. 40–42.
- Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII века Сергий Шелонин. М. ; СПб., 2010. 553 с.
- Сахаров И. П.* Летопись русского гравирования // Северная пчела. 1841. С. 414.
- Демин А. С.* Русские старопечатные послесловия второй половины XVI в. (отражение недоверия читателей к печатной книге) // Русская старопечатная литература, XVI — первая четверть XVIII в. : Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 45–70.
- Сидоров А. А.* История оформления русской книги. М., Л., 1946. 384 с.
- Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. 396 с.
- Снегирев И. М.* Древнейшие памятники славянских типографий. Б. Псалтырь, напечатанная в Слободе в 1576 г. // Тр. Моск. гос. ун-та. 1835. Ч. 9. С. 168–174.
- Снегирев И. М.* О первой Псалтыри, напечатанной Невежею Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче // Вестн. Европы. 1830. № 13. С. 59–60
- Соловьев А. Н.* Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве : ист. справка. М., 1903. 104 с.
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. 313 с.
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1821. Ч. 5. 232 с.
- Стасов В. В.* Разбор рукописного сочинения Д. А. Ровинского «Русские граверы и их произведения ...» // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1894. С. 171–172.
- Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского купца... И. Н. Царского. М., 1836. 702 с.
- Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. 410 с.
- Тихомиров М. Н.* Начало московского книгопечатания // Уч. зап. Моск. гос. ун-та. 1940. Вып. 41. С. 81–95.
- Тихомиров М. Н.* Начало московского книгопечатания [Электронный ресурс] // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 9–40. URL: <http://sobornik.ru/article/uistokov/uistokov02.htm> (дата обращения: 3.07.2011).
- Тихомиров М. Н.* Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 14. С. 247–255.
- Ундорльский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии. М.. 1871. 388 стб.

Статья поступила в редакцию 05.06.2011 г.